

Министерство культуры Российской Федерации

**Департамент культуры Администрации
Вологодской области**

**Вологодская областная универсальная научная
библиотека им. И. В. Бабушкина**

Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия

Чайкина Ю. И. Экспрессивы со значением лица / Ю. И. Чайкина //
Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия :
[материалы конференции, Вологда, 4-6 августа 1999 г.]. – Вологда,
2000. – С. 185-192.

K1292902

**Вологда
2000**

Ю. И. ЧАЙКИНА

(Вологда)

Экспрессивы со значением лица

(на материале говоров с. Дмитриевское
Череповецкого района Вологодской области)

В статье рассматриваются диалектные слова со значением личностной характеристики. Одни ученые называют их экспрессивами, другие – агентивами. Как считает Н. А. Лукьянова, экспрессивы – это слова, выделяемые в особую группу, по особенностям их лексического значения, то есть в силу того, что в их лексическом значении доминирует коннотативный макрокомпонент¹. Т. В. Бахвалова называет эти же слова агентивами по принадлежности их к категории агентивности, элементы которой являются периферией функционально-семантического поля ‘персональность’².

В монографии «Языковая номинация» отмечается, что экспрессивное слово не соотносится с денотатом, то есть классом однородных явлений, оно соотносится с референтом (даным единичным объектом). Номинативность экспрессива, то есть его способность называть класс однородных предметов, оказывается стертой, или смещенной на второй план за счет возвышения на первый план экспрессивности³. По мнению Н. А. Лукьяновой, экспрессивные слова существуют не для того, чтобы называть предмет, а охарактеризовать его. Они выражают эмоциональное отношение говорящего к предмету и оценку его, поэтому в значении любого экспрессива обязательно присутствуют семы ‘эмоциональная оценка’ и ‘интенсивность признака’⁴.

В сравнении с нейтральной эта лексика имеет ограничения. Если обратить внимание на присутствие экспрессивов в отмеченных словах, то вырисовывается такая картина. Сопоставление экспрессивов, собранных автором, с материалами «Словаря русских говоров Карелии», охватывающими и территорию Белозерья (с. Дмитриевское расположено в Белозерье), свидетельствует об отсутствии в последнем значительного количества слов. Так, например, из 46 слов (буквы

А—Л) в «Словаре русских говоров Карелии» отмечено только 13, отсутствуют такие, как *копырза*, *корыхало*, *лытень*, *жердило*, *возиленка*, *гнуса*, *дрочень*, *запивоха* и др.

В «Словаре вологодских говоров» (для сопоставления берутся слова на букву «К») отсутствуют такие, как *копырза*, *корепя*, *калякало*, *колотырник*, *космачиха*, *колобан* и др.

Причина этого, по-видимому, кроется в следующем. У носителей говора было свое представление о нормативной и ненормативной лексике. Экспрессивы они относили к ненормативной лексике. Они давали, как правило, негативную характеристику именуемого. Употребляли экспрессивы по преимуществу среди «своих». Не относя к «своим» собирателей диалектного материала, носители говора старались как можно меньше использовать экспрессивы в своей речи. Автор относился к «своим» (в течение ряда лет я вела наблюдение за речью близкого родственника), поэтому в статье данная лексика представлена в значительном количестве.

Другая особенность экспрессивов: их охотнее и чаще используют в своей речи женщины. Мужчины как бы «стесняются» этих слов, считают их «несерьезными». Поэтому экспрессивы в большинстве своем — женские и детские именованья.

В последнее десятилетие значительную активность получила новая система идей языкознания (антропологическая лингвистика). Она занимается изучением языковой картины мира, то есть изображения средствами языковой номинации всего существующего мира. «В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви: сам человек..., его тело и его дух..., его действия и поступки..., во второй ветви это пространство и время, вся живая и неживая природа»⁵.

Среди многих лексико-семантических системных явлений особенно активно изучается в последнее время группа экспрессивов со значением личностной характеристики, поскольку исследование именно этих слов может дать наиболее ощутимые результаты познания человека через его язык.

По образованию исследуемые экспрессивы относятся к трем структурным типам: словообразовательные дериваты,

семантические дериваты и слова, возникшие путем слово(осново)сложения. Отмечается значительная продуктивность только двух первых способов номинации. В статье будут подвергнуты анализу по преимуществу словообразовательные дериваты, семантические – уже были предметом рассмотрения⁶. Материалы по семантической деривации будут привлекаться только для сопоставления.

Мотивирующими для словообразовательных дериватов являются глагольные основы, а из именных – основы имен прилагательных. Отмечено сравнительно небольшое число экспрессивов, мотивированных именами существительными.

Среди имен существительных, мотивированных глаголами, наиболее значительна по объему группа слов с нулевым суффиксом. Все они обладают значением ‘лицо, производящее действие или испытывающее состояние, названное мотивирующим словом’. К отглагольным существительным женского и общего рода относятся, например, *барабоша* (*барабошить* — ‘говорить неразборчиво, нечетко’, ‘болтать пустое’), *борона* (*боронить* — ‘болтать пустое’), *вархоба* (*вархобить* — ‘делать что-либо кое-как, не размышляя’), *гмыра* (*гмырить* — ‘делать что-либо медлительно, молча, как бы таясь’), *гнуса* (*гнусеть* — ‘говорить гнусаво, в нос’), *копа*, *копырза* (*копырзиться* — ‘ломаться, упираться, спесивиться’), *кулемяка* (*кулемякать* — ‘делать что-либо кое-как, небрежно, без всякого интереса’), *карапа* (*карапаться* — ‘лезть, ползти’), *ляпа* (*ляпать* — ‘болтать, говорить невпопад’), *лязга* (*лязжить* — ‘брюзжать, ворчать, придирааться’), *орюпа* (*орюпаться* — ‘испачкаться’, ‘вымокнуть’), *пандора* (*пандорить* — ‘копаться, делать что-либо кое-как, медленно’), *пехта* (*пехтать* — ‘много и жадно есть’), *рагоза* (*рагозить* — ‘делать что-либо кое-как, небрежно’), *россолода* (*россолодеть* — ‘расслабиться, потерять энергию’), *россосуля* (*россосуливать* — ‘делать что-либо небрежно, кое-как, медлительно’), *сѣхта* (*сѣхтать* — ‘болтать попусту’), *скиляга* (*скиляжить* — ‘попрошайничать’), *слигоза* (*слигозить* — ‘пачкать грязными ногами пол’), *сныпря* (*сныпреть* — ‘ходить медленно, еле волоча ноги’), *соныря*, *тимота* (*тимиться* — ‘шалить, озорничать’), *трюпа* (*трю-*

паться — ‘пачкаться’), *тухта* (*тухтыриться* — ‘дуться, гневаться’), *тунда* (*тундаться* — ‘копаться, медленно собираться’), *шебарша* (*шебаршить* — ‘копаться, шуршать чем-либо’), *шепёра* (*шепериться* — ‘расставлять широко руки, ноги’), *юла*, *яберза* (*яберзить* — ‘болтать, судачить, заниматься бездельем’) и др. Все это существительные женского и часть — общего рода.

К отглагольным существительным мужского рода можно отнести *истокул* (*истокулить* — ‘притворяться, издеваться’), *канюк* (*канючить*), *мухлак* (*мухлачить* — ‘обманывать’), *мытарь* (*мытарить* — ‘обманывать’, ‘утаивать что-либо’), *наян* (*наянить* — ‘выпрашивать, кланяться, вымогать’), *ощёул* (*ощёулить* — ‘обманывать, лицемерить’), *покасть*, *хмырь*, *хобот* (*хоботить* — ‘хлопотать, суетиться’), *шнырь* (*шнырить* — ‘делать что-либо скрытно, потихоньку’) и др.

Выделяются словообразовательные модели с суффиксом -л (о): *вертило*, *вякало*, *загребало* (*загребать* — ‘забирать, захватывать’), *калякало*, *корыхало* (*корыхать* — ‘говорить невнятно, неразборчиво’), *крятошило* (*крятошить* — ‘работать с усердием, продуктивно’), *оплетало* (*оплетать* — ‘болтать’), *поджигало* (*поджигать* — ‘подстрекать к дурному’), *приманало* (*приманать* — ‘притворяться’), *разгайло* (*разгаять рот* — ‘открыть рот’, *разгайло* — ‘простодушный, простоватый’), *страшило*, *хвостило* (*хвостить* — ‘болтать, хватать’), *хахало*, *хныкало*, *хоботило*;

с суффиксом -ень: *мельень* (*молоть* — ‘болтать’), *завалень*, *окретьень* (*окрятьать* — ‘сделать что-то быстро, качественно’), *дрочень* (*дрочить* — ‘нежить, холить’), *лытень* (*лытать* — ‘бездельничать’), *поползень*, *увалень*;

с суффиксами -к(а), -вк(а), -лк(а), -нк(а): *лайка* (*лаять* — ‘ругать, бранить’), *валявка* (*валяться* — ‘развратничать’), *шевырялка* (*шевырять* — ‘неразборчиво, нечетко говорить’), *трепалка* (*трепаться* — ‘болтать’), *кухтанка* (*кухтаться* — ‘одеваться во множество одежек, кутаться’), *шишлянка* (*шишляться* — ‘делать что-либо медленно, копаться’);

с суффиксами -ник и -ниц(а): *варакосник* (*варакосить* — ‘озорничать’), *колотырник* (*колотырить* — ‘сплетничать’),

сусленик (суслеть — 'пить водку'), перчертыжница (перчертыжничать — 'болтать, сплетничать');

с суффиксом -уні(а): таврунья (тавреть — 'врать'), дремунья, кавкунья (кавкать — 'плакать, хныкать') и др.

Значительно количество единичных отглагольных образований (непродуктивные словообразовательные модели) с суффиксами -арь, -елиц(а), -ён(а), -их(а), -иц(а), -ланк(а), -ленк(а), -ёнк(а), -ох(а), -тель, -ул(а), -уг(а), -ух(а), -уш(а), -щик, -ыш, -ј(е): лытарь, виселица (виснуть — 'надоедать, долго находиться там, где присутствие кого-либо нежелательно'), басена (баситься — 'наряжаться'), нарядиха, безупокоица, топланка (топать), возилёнка (возить — 'часто рожать'), тешёнка, запивоха, издеватель, варзуля (варзать — 'делать что-либо небрежно, кое-как'), свистуля, вязуга (вязаться — 'привязываться, надоедать'), щекотуха (щекотать — 'болтать'), щелкуша (щелкать — 'болтать, пустословить'), погальщик (погальиться — 'поиздеваться'), изгиленыш (изгиляться — 'издеваться'), ляжье (лядить — 'болеть, чахнуть') и др.

К экспрессивам, мотивированным именами прилагательными, относятся существительные с нулевым суффиксом: непуть (непутевый), несуть (несытый), неповороть, нероботь, неслух (непослухмянный); с суффиксом -етј(е): чахлетьё, рухлетьё (рохлетьё), -иш(е), -униш(е), -ыниш(е): нескладище (нескладный), вялище, слабунище, простынище (простой), -етин(а): сыретина, неживетина (неживой — 'тихий, медлительный').

Единичны образования от имен прилагательных с суффиксами -ач (сухач 'сухой, тощий'), -д(а) слюнда (слюнявый), -ль жидель (жиденькой — 'тощий, худой'), -ех(а) неумеха, -ик слиноватик (слиноватый), семибатешник (семибатешный), -ух(а) оструха, ушк(о) живушко, -ыдень злыдень, -як чистяк и др.

Непродуктивно образование экспрессивов со значением лица от имен существительных. Отметим только дериваты с суффиксами -к(а): истокулка (истокул), санапалка (санапал), хоботилка (хоботило), гуляшка (гуляха); -ниц(а) издевательница, прорешница; единичные существительные с суффиксами -их(а) космачиха, -ил(о) жердило, а также обра-

зования с префиксом су- (*супарень*), с префиксом раз- и суффиксом -j(e): *размужицье*.

Довольно немногочислен круг названий лиц, возникших за счет основосложения (*ласкобай, редкобай, хлебсор, ухорез, голохваст, жидомор*) и словосложения, осложненного суффиксацией (*полоротина, кусоловка, хлебогазник*).

Обратимся к семантике рассмотренных экспрессивов. Именно семантика данной группы слов позволит выявить систему ценностей, с давних пор сложившуюся в крестьянской среде на Русском Севере.

Подавляющее большинство рассматриваемых экспрессивов относится к словам, характеризующим человека не по внешнему облику, а по внутренним качествам, его характеру и поведению. Самую значительную группу составляют экспрессивы, связанные с особенностями речи именуемого (наименования болтливого человека; человека, говорящего нечетко, гнусаво, слишком быстро; болтающего пустое и т.д.). В состав ее входят: *барaboша, борона, гнуса, ляпа, лязга, сѣхта, скиляга, яберза, вякало, калякало, корыхало, разгайло, меледь, трепалка, перечертыжница, оплетало, лайка, шевырялка, щекотуха, щелкуша, редкобай, сладкобай* и мн. др.

Отрицательно воспринимался человек ленивый, не умеющий и не желающий работать, делающий все некачественно и медленно. К этой группе относились *копа, вархоба, кулемяка, пандора, рагоза, гмырь, рассосуля, лытень, шишлянка, варзуля, неработь, неживетина, колотырник* и др. Негативной оценки заслуживали люди капризные, издевающиеся над другими: *копырза, истокул(ка), издеватель(ница), изгиленыш, погальщик, поджигало* и др.

Наконец, особо отмечены лица излишне быстрые, ловкие, хваткие: *юла, хобот, хоботило, вертило, оструха, острец, ухорез, семибатешник*, и др.

Немногочисленны группы экспрессивов, отражающих такие морально-этические внутренние качества, как скупость (*скопидом, жидомор*), пьянство (*сусленник, запивоха*), нечистоплотность (*слигоза, трюпа*), непорядочность (*мухлак, оцѣул, мытарь, мазурик*), злобный характер (*злыдень*) и др.

К экспрессивам, характеризующим внешний облик человека, относятся, пожалуй, всего две группы: слова со значением 'малоподвижный, бессильный, чахлый человек, больной' (*соныря, сныпря, тунда, ляжьё, чахлетьё, рухлетьё, вялище, слабунище, сыретина, живушко, неживетина, неповороть, кукомоя* и др.) и лексемы, указывающие на внешний физический облик именуемого (*нескладище, жидель, жердило, чистяк, сухач, сухлетьё, супарень, гладыш, размужицье, пехта, росолада, космачиха* и др.).

Выводы о доминировании экспрессивов, выражающих морально-этические качества человека, подтверждаются на материале названий лица, возникших способом семантической деривации (метафоризации). В составе последних отмечаются подгруппы, состоящие из 23, 20, 17, 16 названий-характеристик человека по морально-этическим качествам, в то время как в составе другого множества (названия лиц по внешнему облику) объем групп представлен 12, 11, 9, 7 названиями: состав первого множества (названия лиц по морально-этическим качествам) почти вдвое превышает по численности лексическое объединение второго множества.

Таким образом, наиболее активное языковое выражение в нашем говоре нашли понятия, характеризующие лицо по морально-этическим качествам, что свидетельствует о высоких требованиях к нравственному облику членов языкового коллектива, характерных для крестьянской среды в прошлом.

Анализ семантики и объема групп показывает, что отрицательное отношение и неодобрение в нашем говоре вызывали главным образом такие внешние признаки человека, как излишний вес (полнота), неуклюжая, нескладная фигура, медлительность, физическая слабость, то есть то, что мешало производительной крестьянской работе. Меньше внимания носители диалекта уделяли отрицательным внешним признакам, связанным с неприглядностью именуемого, его физическими недостатками.

Если говорить об отрицательных морально-этических качествах, то, судя по количественному составу групп, наиболь-

шее порицание в нашем говоре заслуживали излишняя простота, тупость, болтливость, лень, бесчестье, обман.

Следует отметить, что лексическое значение рода экспрессивов синкретично, в результате чего один и тот же экспрессив можно отнести сразу к нескольким лексико-семантическим группам. Например: *крятошило* и *окретень* — 'трудолюбивый' и в то же время 'сильный, здоровый человек', *хвостило* — 'быстрая, бойкая' и 'сплетница', *россолада*, *вялище*, *сыретина* — 'вялая, малоподвижная женщина' и 'женщина с излишним весом, полная', *санапал*, *ухорез* — 'быстрый, подвижный' и 'хулиган' и мн. др.

Как видно из вышеизложенного, почти все наименования, за исключением нескольких слов (*крятошило*, *чистяк* и др.), характеризуют именуемых с отрицательной стороны, что находит объяснение в особенностях русского народного характера: все положительное считается нормой и не требует особых слов для выражения, находят отражение в языке отклонения от нормы.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что рассмотренные экспрессивы позволяют выявить некоторые моральные принципы христианского мировоззрения крестьянина на Русском Севере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре, речи // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991.

² Бахвалова Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. — Орел, 1996.

³ Языковая номинация. — М., 1977. — С. 54.

⁴ Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск, 1986. — С. 101.

⁵ Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1. — С. 15.

⁶ Чайкина Ю. И. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова: (На материале диалектных экспрессивов) // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. — Смоленск, 1995.